

ЮЛИЯ ШАМАНСКАЯ

ПРЕЛЕСТЬ, КАКАЯ ДУРОЧКА

история превращения одной блондинки в
брюнетку

Юлия Валерьевна Шаманская

Прелесть, какая дуручка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38279915

SelfPub; 2023

Аннотация

Ах, если бы мне удачно выйти замуж! И так, чтобы муж ежедневно восторгался моей красотой и одаривал золотом! Ну, на худой конец, завести свой бизнес, чтобы быстро и легко разбогатеть. А может, просто мечтать о богатстве, и "вселенная услышит"? Такие мысли часто "заводятся" в головах современных девушек. К сожалению, они не столь безопасны, как кажется. И в этом нашей героине пришлось убедиться на собственном горьком опыте.

Содержание

Юлия Валерьевна Шаманская	5
Глава 1. Крушение надежд.	6
Глава 2. Маленькие девичьи слабости.	14
Глава 3. Красавчик.	21
Глава 4. Наконец-то!	36
Глава 5. Триумфы и сомнения.	45
Глава 6. Зоенька.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Шаманская

Прелесть, какая дурочка

Два желания разрывают сердце красивой молодой женщины по имени Лиза: удачно выйти замуж или стать независимой бизнес-леди. Ей кажется, что выгодное замужество – наиболее лёгкий путь. Все силы она бросает в этом направлении. И терпит сокрушительное поражение. Последняя неудача, свалившаяся на голову героине в тот самый момент, когда до желаемого было рукой подать, лишает её воли...

Юлия Валерьевна Шаманская

ПРЕЛЕСТЬ, КАКАЯ ДУРОЧКА

повесть

Глава 1. Крушение надежд.

– Выходные с племянниками прошли на ура! В воскресенье ходили в зоопарк. Там такие милые обезьянки! Смеялись до колик, – щебечет маникюрша Сонечка, старательно раскрашивая мои акриловые ногти.

И зачем они так далеко ходили? Еще и деньги тратили. Можно было на меня бесплатно посмотреть, посмеяться. Как я целый год перед Алексеем Великим кривлялась. С лучших сторон себя показывала. Прыгала так резво, только женись. Вот и допрыгалась.

– Элла! Элла! – зовет Сонечка.

– Что?

– Ты вообще меня слышишь?

– Да.

– Ну, тебя! Ты сегодня сама не своя, – обижается коллега.

Вообще-то, я Елизавета. Но никому не позволяю звать себя этим простоватым именем. Девушки, работающие со мной в салоне красоты, придумали «Элизабет». Но я забрала. На кличку похоже. Предпочитаю, чтобы называли Эллой, и всегда так представляюсь клиентам. И только мама, да еще сестра, Зоя, стараются не оставлять эту привычку.

Осторожно проверяю стабильность лака на ногтях и, лениво потянувшись, занимаю место рядом с высоким парик-

махерским креслом. Место удачное – в переднем углу возле окна. Частенько использую его в рекламных целях. Доволяю коллег до тихого бешенства, зазываю клиентов прямо через окно, очаровательно улыбаясь случайным женщинам и мужчинам, которые в нерешительности рассматривают вывеску и рекламные плакаты со скидками. На недовольство сотрудниц обращаю мало внимания, уверена, что они поступили бы так же, была бы возможность. А место я заслужила, потому что первая из парикмахеров вошла в салон пять лет назад. И если уж работаю тут целую вечность, то заслуживаю некоторых привилегий. Коллеги это тоже понимают, поэтому завидуют не очень громко, лишь изредка обсуждая новую неудачную прическу, нового облезлого кавалера, или наоборот отсутствие оных в арсенале зачатой подружки.

И чего им всем не хватает, мужикам этим? Блондинка, ухоженная, худенькая, добрая, не требовательная.

Сегодня никто из любопытных не топчется на пороге, и из окна открывается унылый вид на пустынную улицу. «Улица. Фонарь. Аптека». Не помню имени автора, но настолько эрудированна, чтобы знать, что строки из стихотворения, очень знаменитого. Еще, кажется, там фигурировала «ночь», но в этом стопроцентно не уверена. Так вот, «улица, фонарь, аптека» – тот пейзаж, который приходится наблюдать ежедневно, кроме редких выходных и праздников в течение пяти лет. Работа неплохая, но я не собираюсь состариться на этом месте.

Одна беда, жизнь ничему не учит. Встречая очередного мужчину, вижу выход в замужестве, рождении ребенка, а в дальнейшем – в жизни для себя, ребенка и любимого. Эта жизнь видится мне в путешествиях, приятных знакомствах с новыми людьми, бесконечных вечеринках дома и в гостях, выездах на природу, на рыбалку и шашлыки, шумными компаниями взрослых и детей.

В периоды разочарований в любви, снова мечтаю о собственном деле. Собираюсь открыть салон, и всерьез подумываю переоборудовать под него свою квартиру. Благо та на первом этаже, и окнами выходит на оживленную улицу. Давно лелею эту мечту, но сама братья боюсь, ожидая, что кто-то поддержит. Снова на горизонте маячит мужчина, и салон уходит на второй план. Все-таки, мне больше по вкусу идея оставить парикмахерский труд и почить на лаврах в семейном гнездышке.

Сейчас, взглядываясь в серое утро за окном, думаю о том, что надо начать с чего-то. Хотя бы узнать об оформлении таких предприятий, или, все-таки, начать с ремонта. Нужно обязательно пристроить лоджию и прорубить выход на улицу, только вот где взять на это денег? Может старенький نيسان продать? Но поможет ли это собрать нужную сумму? И знать бы еще, какая сумма нужна.

Сии размышления могут означать только одно, я снова потерпела неудачу на любовном фронте.

Он бил меня. В первый раз простила. Сама виновата. Напилась и наговорила лишнего. Несла такую околесицу, что не ударить невозможно. Так я рассуждала, когда утихли баталии. Прощения он не просил, только дулся некоторое время и не обращал внимания, что его полочка в ванной опустела. Я завезла домой свой неподъемный чемодан. Отрыдалась. Нашла трогательного плюшевого мишку (когда-то он купил животное прямо на улице во время романтической прогулки), омыла его слезами, и... вернулась. Он не удивился, пива предложил. Отказалась, и дала себе зарок никогда больше не напиваться.

Во второй раз это произошло в момент мелкого спора, о чем спорили уже не вспомнить. В памяти остался горький эпизод. Он схватил ремень, висевший на спинке стула рядом с брюками, и стал хлестать меня по голове и плечам. После, я долго не могла выйти из шокового состояния. Все сидела и сидела на полу, держась за голову, и не заметила, как он ушел. Вернулся с громадным букетом роз. Пытался поднять меня с пола и посадить в кресло, а я лишь испуганно прятала голову между коленей. Он гладил по этим вздрагивающим коленкам, говорил ласковые слова и просил прощения. Объяснял, что я просто вывела его из себя, и он не понимает, как это вышло. Легла с ним в постель и даже занялась сексом. После он мгновенно захрапел, а я все лежала без сна и смотрела в потолок. Ожили тяжелые думы.

Вспоминались прошлые увлечения. Большая часть увлечений имела жен. Немногих холостяков никогда особенно не интересовал вопрос, придет ли Эллочка на следующее свидание. После близости в первый или третий день знакомства, большинство пропадало. Если отказывала, сразу ретировались, даже не пытаясь настаивать. Некоторые из тех, с которыми «что-то было» какое-то время вяло отвечали на звонки, и сами звонили раз в месяц или даже раз в полгода и назначали встречу «на сейчас». Как говорили опытные подружки, это могло означать только одно, что «где-то им обломилось, и нужно срочно выпустить пар». Редкие свидания заканчивались быстро и буднично. Я не чувствовала со стороны партнера не капли привязанности или даже интереса. А рассчитывала, ни много ни мало, на любовь до гроба, обретая надежду после каждого звонка. Вновь и вновь, неслась на всех парах по первому зову, несмотря на усталость, и наступала на старые грабли.

С Лешей все иначе. Разведенный мужчина, с отдельной хорошей квартирой – лакомый кусочек. Отношения развивались по классическому сценарию: встреча в баре, свидание на следующий день, секс. Он водил в рестораны, дарил цветы и конфеты. Мне, как неизбалованной вниманием парикмахерше, это казалось верхом рыцарства. Что характер у жениха не сахар, я поняла еще в букетный период. Он ворчал и выражал недовольство по любому поводу, матерился,

игнорировал самые невинные просьбы, вроде сделать музыку тише, или не дымить в постели. Терпела. У каждого свой характер, а у меня, наконец, появился настоящий бой-френд с которым можно встретить новый год, который обязательно подарит что-нибудь на день рождения, принесет букет на 8 марта и иногда заедет за мной на работу.

В свои двадцать пять, я была готова вить семейное гнездо. Но об этом мой жених даже не помышлял. Что делать? Пошла на хитрость. Стала задерживаться в квартире любимого на два-три дня, неделю. Он не выгонял, но и переехать не предлагал. Одну за другой стала перевозить свои вещи, и скоро поселилась надолго. Уже привыкла в разговорах с подругами величать его мужем. Да и он сам, казалось, стал строить планы на будущее. Заговаривал о детях, и начал называть свой дом нашим.

А потом в первый раз ударил.

Тогда я вывезла вещи. И даже, вернувшись, оставила их дома, дабы в любой момент можно было легко спастись бегством.

Мысли кружились и больно жалили где-то внутри, обжигая сердце. Перебрав в уме все свои истории любви, решила подождать с уходом.

Короткая стрелка настенных часов остановилась на цифре два. Алексей мирно посапывал рядом, от него шло тепло большого мужского тела. Тихонько поднялась, достала из сумочки снотворное и запила таблетку, хлебнув из стакана с

водой, стоящего на тумбочке.

Вечером он встретил с работы и повел в ночной клуб, где мы здорово повеселились. Все забылось, но, как-то споря с Лешей, я в шутку назвала его идиотом. Он спокойно по-дозвал, и переспросил: «Что ты мне сказала?». «Ничего. А что?» – улыбнулась я. Леша ударил по лицу так, что в ушах зазвенело: «Это тебе за идиота». И стал читать газету. Он не извинился.

С тех пор он сделался моим дрессировщиком. Воспитывал хлыстом и угощением. Я утешалась тем, что случалось это не слишком часто. В остальное время, все чудесно. Подруги завидуют, мама успокоилась, свадьба не за горами. Старалась не раздражать «мужа» и верила, что скоро научусь с ним жить. Притремся. Да так и не научилась.

Мы немного выпили на вечеринке, не больше двух бокалов пива, и девушки стали шутить о мужчинах, кто на какого зверя похож. Кажется, я назвала Лешу совой за то, что он все время засыпает под телевизором. И моментально получила пощечину. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Я поняла, что скрываться под маской благополучия уже не выйдет, а значит, это конец. Как не крути, главное для меня, что скажут люди. Я и замуж-то хочу большей частью, чтобы выглядеть благополучной особой. Если б не это, то два литра пива, вобла и шоу талантов по телику – все что мне нужно. Но, покоя не дает насмешливая жалость родных и знакомых.

В тот момент я поняла, что моя невестина карьера заканчивается. Но еще силилась перевести все в шутку, для этого хлопнула своего жениха символически по щеке в отместку. Леша силой поволок меня в ванную. Закрылся изнутри. Со всего маху ударил по лицу и сунул мою эксклюзивную укладку под душ, а затем, хлопнув дверью, покинул вечеринку. Я порыдала, украдкой забрала сумочку, вызвала такси и уехала домой. На этот раз к себе. Три дня раздумывала, а потом снова решила, что виновата сама. Да и компанию можно найти другую.

Леша не появлялся. И вот вчера я решила «позвонить и простить в последний раз» и даже самой попросить прощения. Но, его отстраненно чужой голос в трубке, попросил больше не беспокоить. Видно, решил не тратить время на трудновоспитуемую особу.

«К лучшему!», – думаю я, глядя в тоскливое осеннее утро за окном салона красоты, и еще о том, где взять денег на открытие собственной парикмахерской. Может, начать экономить?

Глава 2. Маленькие девичьи слабости.

А разве я много трачу? Сегодня вечером иду на распродажу в «Торговый», что очень разумно. Все девушки, у которых мозги чуть побольше куриных знают, что такой шанс упустить нельзя. Тряпки самых продвинутых трендов там отдадут за бесценок.

СМС пищит. Может, Алексей передумал? Немного разочарована, но это моя лучшая (на данный момент) подруга, Любочка. Она информирует меня о том, что дружеский шопинг состоится в обеденный перерыв. Выбираю смайлик с прыгающим от радости колобком.

По магазинам ходить обожаю, в чисто психотерапевтических целях. Мне нравится процесс примерки, а не покупки. Поэтому еще не разорилась. Новые коллекции обхожу стороной – не по карману. Если что понравилось, пасу вещь до нужной скидки. Редко попадаюсь на уловки магазинов. Но попадаюсь.

– Вот, недавно сглупила, – жалуюсь Любе, направляясь с ней в сторону торгового центра, – отправилась покупать туфли, которые ждала целый месяц. Прихожу, а на них уже скидка 50%! Купила, и как на крыльях понеслась на работу. Думаю: класс, даже отложить получится! И в тот же день иду

с работы домой, захожу в магазин на сумочки посмотреть, а там новый завоз! Не удержалась, сразу купила. И теперь не знаю ругать себя, или радоваться. Сумка сейчас не нужна, но она невероятная. Ты же знаешь, сумки – моя слабость.

– Радоваться! – уверенно отвечает Люба. Ты вообще молодец, смогла целый месяц обходиться без крупных покупок.

– Не факт! Я подсчитала, что на кофточки и косметику в прошлом месяце ушло больше, чем я заплатила за пальто и сапоги.

– Что поделаешь, нужно и то и другое. Не будешь же в одной кофточке каждый день ходить. У меня тоже так. Все до копейки потрачу, зато всегда есть, что надеть.

Слушаю Любу и киваю, хотя втайне считаю подругу больным на голову шопоголиком. Но помалкиваю. И не только потому, что она не переносит конструктивную критику во всех ее проявлениях, но и потому что болезнь Любы дает свои преимущества.

Она на глаз может отличить синтетику от хлопка, шелк от полиэстера, последнюю коллекцию от залежалой. Знает, что сейчас носят, и что собираются носить в будущем сезоне. Люба представляет собой живой справочник магазинов с указанием дней распродаж и скидок. Загадочные значки на этикетках одежды для нее раскрытая книга. Она носит с собой отдельный кошелек для дисконтных и клубных карт. И вынимает их в нужную минуту с апломбом фокусника.

Даже в продуктовый с Любой ходить полезно. Она без

труда разбирается в составах продуктов, всегда внимательно изучает сроки годности.

Всем хороша подруга. Только одна маленькая неприятность. Люба постоянно нуждается. Частенько на хлеб не хватает. Приходится одалживать приятельнице небольшие суммы, которые той отдать недосуг. И накопилось прилично, а спросить об отдаче неудобно.

Перехожу с отдела в отдел. Ничего! Такое убожество! Да и не нужно мне ничего, зря трачу время. С презрением смотрю, как Люба считает все с полок с надписью – 70%. Думаю, сказать ей или не сказать, что это мусор? Не скажу, пусть тратиться. О!!! Да это слишком!

– Люб, зачем тебе скворечник?

– Посмотри, какой миленький!!! – подруга тянет с полки громадную деревянную штуку, с настоящей шиферной крышей и сиреневыми блестячками.

– Да, прелесть, – соглашаюсь я.

А как тут не согласится? Домик для птичек покрыт голубой красочкой, украшен резными деревянными цветочками и червячками. Только крыша с блестячками чего стоит!

– Да, он миленький, но куда ты его повесишь?

– Под окно. Буду птичек кормить.

– К тебе на шестнадцатый этаж даже голуби редко залетают, а в скворечник голубь не влезет, дырочка маленькая.

Люба останавливается и сосредоточенно смотрит на дырочку.

– Может, ее расширить можно? – неуверенно спрашивает.

Минуту пялимся на скворечник, пытаюсь представить, как туда засунуть голубя.

– Нее, голубь туда не полезет. Ты лучше ему пшена на подоконник насыпь.

– Ну, уж нет! – брезгливо морщится Люба, – он нагадит на подоконник.

– А в скворечник не нагадит?

– Действительно, скворечник жалко, – Люба со вздохом кладет штуку на полку, но через секунду решительно тянет назад, – в крайнем случае, подарю кому-нибудь.

Я уже думала уходить не с чем, но искусительница затащила в «Новый». Скидка 90%! Выше сил! Купила летний плащ, восемь дешевых курточек, а уж, сколько кофточек, маечек, джинсиков, пиджачков, платьев, сама не считала. Купила и то, что никогда не носила, предпочитая женственный стиль. Но уж слишком дармовыми показались толстовки, спортивные брюки и рубашки в ковбойском стиле. И качество, уверяла Люба, отличное. Если не стану носить, – отдам маме. По дому ходить удобно и тепло.

Уставшие и счастливые, приземляемся в кафе. За чаем признаюсь подруге в своей очередной любовной неудаче и намерении экономить, чтобы начать собственное дело.

Люба кривит тонкий ротик, и советует спуститься с небес на землю. Без надежной опоры, наивную девушку сожрут с потрохами. Как не крути, а надо искать мужика.

Воскресное утро безнадежно испорчено. В восемь будит домашний телефон. Забытая трубка, лежит в коридоре и никакой возможности отключить аппарат или разбить его. Кто бы это мог быть? Клиенты? Если кто-то из них, пошлю куда подальше. Я уже забыла о намерении работать, не покладая рук, без выходных. Натыкаясь спросонья на мебель, хватаю трубку. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль: «Вдруг, это он?».

– Алло?

– Лизок, ты что спишь?

– Мама-воскресенье!

– А разве в воскресенье никто не стрижется?

– Что ты хотела?

Короткие гудки. Обиделась. Не стану перезванивать. Мама перезвонит сама, а я за перерыв на обиду успею почистить зубы и выпить кофе.

Не успеваю дойти до ванной, как раздается второй звонок. Да уж, мама не слишком обидчива! Направляюсь в кухню, готовить кофе с трубкой в руках. Чтобы провести время экзекуции с пользой.

Я сама виновата. Позвонила вчера матери и изливалась битых два часа, рассказывая о своих бедах. И о том, что одна, и о том, что лучше умереть... я полюбила... я терпела, но даже такая, я не нужна. И прочий бред, который мама в очередной раз использует в качестве бензина для пилильной

машины. И это все на трезвую голову! Какая же я все-таки дура!

– Ты непередаваемая дура, – эхом отражаются мои мысли в телефонной трубке. – И еще бессердечная! И неблагодарная! Я не спала всю ночь. Вызвала бы скорую, но не хотела будить твою сестру, которая, между прочим, пашет как ишак с утра до вечера. А теперь она трубку бросает, (мама подзабыла, кто именно бросил трубку, но себе дешевле не перечить).

– Вот поэтому-то ты одна! Потому что ты хамка! Именно поэтому Алексей тебя и бросил.

«Зря я рассказала, зря» – корю себя, нервно помешивая кофе. – «Лучше бы Любке позвонила, она бы ограничилась тем, что назвала бы Алексея уродом, а меня дурой».

И зачем я рассказала маме всю правду? Надо бы скрыть подробности. Но вчера она так сочувствовала! А теперь, конечно, расскажет сестре, и они обе будут обсуждать вопрос «кто виноват», то ли Алексей жестокий человек, то ли Лиза заслуживает, чтобы ее били.

Зою, мою сестру, никто не бил. Муж давно к другой сбежал, оставив ребенка и полдома в пригороде. Другие полдома проданы им чужим людям. Нужно кому-то сидеть с ребенком, пока Зоя зарабатывает. Вот мама и переехала к ней, а семейная квартира осталась полным моем распоряжении. Вообще-то, это моя квартира. Мама давно составила на младшую дочь дарственную, потому что у старшей жильё

есть. Мама любила Зою и доверяла ей. Но был еще и зять. Ему-то палец в рот не клади.

– Умру я. Зять заставит Зоеньку поделить квартиру, а что там делить-то? Как бы ты в трущобах, каких не оказалась, а то и вовсе без угла.

Я согласилась, что ради этого стоит и в очередях к государственному нотариусу постоять и отпуск загубить. Нотариус объяснил, что завещание можно оспорить, поэтому остановились на дарственной. Так что, теперь я невеста с приданым. Только все равно не берет никто.

Глава 3. Красавчик.

– Что же ты зря мучалась? – интересуется Любочка, поглощая чизкейк с шоколадным кремом, – все же понятно! Если он тебя бил, значит – не любил. А искал способ, чтобы ты сама сбежала.

– Говорят, наоборот, – вяло парирую я, складывая и разворачивая салфетку.

Мы встретились в любимом кафе, прилепившемся к офисному зданию, в котором работала Люба. Я не хотела возвращаться домой, где ждала родительница с дежурным борщом и запланированной прочисткой мозгов.

Мама приехала еще в воскресенье утром и затеяла генеральную уборку. Она набрасывалась на каждый предмет, как на личного врага с тряпкой и пылесосом. Неумолкающий пылесосий вой, перекрывал крик нотаций. Потерявшая надежду отдохнуть в редкий выходной, блудная дочь вжалась в кресло, почти приросла к нему. И так просидела и протерпела весь день. Уже ближе к вечеру, было выдвинуто требование поесть, приготовленную мамой «человеческую еду». Пытаясь проглотить ароматную шарлотку сквозь ком в горле, страдалница вспомнила о том, что имеется горе, и она может заплакать, не вызывая подозрений, что «неблагодарная в чем-то обвиняет мать». И я зарыдала, громко и мокро.

Это помогло. Мама спросила:

– Ты что любишь его что ли?

Я кивнула и стала выражать отчаяние еще громче. Родительница протянула руки и неловко заключила меня в объятия.

Я нагло врала. Знала, что мама старой закалки и еще верит во все эти тонкие материи, вроде любви по непонятной небесной причине, и решила сыграть на этом.

Я плакала не об Алексее, а о своих упущенных возможностях. О том, что старания пошли крахом, еще один кусочек молодости отправлен в мусорку. Деньги, потраченные на красоту, не окупились. Меня использовали, не позволив ответить тем же. Нужно начинать все сначала. Но с каждой попыткой я становлюсь все циничней. Это уже проскальзывает во взгляде. Подозрительность, ненависть ко всем мужчинам кроется в несколько хищной складке губ. Улыбка все больше теряет искренность, огонь интереса в глазах загорается только тогда, когда в ход идут обещания или в разговоре проскальзывает описание имущества.

Я не любила Алексея, но не видела в этом ничего плохого. Ведь собиралась его любить так, как умею. Только не бесплатно, а в обмен на колечко на руке, на его имущество, на его защиту. За это отдала бы все, что имею: красоту, молодость, заботу, ребенка бы родила. Даже двух можно, при хорошем раскладе. Я бы даже не изменяла ему, если бы он вел себя по-джентельменски и не раздражал. Если бы бил, то из-

меняла бы. Нужно же найти отдушину несчастной женщине, а то она превратится в забитое создание.

В своей, пусть недолгой жизни, я не разу не видела девушку, которая бы любила просто так без расчета. Да и парня не видела. Те, только говорили «люблю» и сразу же поступали, как падонки.

Пример бескорыстной любви единственный – мама и папа. Они познакомились на стройке БАМа. Переехали в Киев, где и поженились. Долго жили в малосемейке, родили в таких условиях двух дочерей. Потом вместе зарабатывали на кооператив. Дочки ходили в среднюю школу, когда папа схлопотал инсульт и оказался в инвалидном кресле. Он просто умолял маму сдать его в дом инвалидов, ради детей. Понимал, что жене не легко содержать большую семью. Он даже договорился со знакомыми, чтобы его определили в самый лучший пансион, где выделили бы отдельную комнату. Объяснял, что там уход будет лучше, и она будет навещать и, в случае чего, сможет забрать. Мама отказалась категорически. И еще пятнадцать лет возила мужа в коляске и ухаживала за ним. Когда папа умер, мама долго не могла придти в себя от горя.

Да. Они тоже ругались, и всякое случалось, но любовь наличествовала.

Удивляюсь этому феномену, но и не мечтаю о таком. Не те сейчас люди. И я совсем не похожа на мать. Мама никогда не поймет. Зато поймет Люба, сидящая напротив, уж ей не

станешь рассказывать сказки в стиле: «Я его люблю».

Рассмеется в лицо.

Люда поднимает руку, и перед моими глазами вспархивают розово-зеленые бабочки. Это подруга изображает пальцами с ногтями-стилетами подобие щелчков перед носом. Щелчки с таким маникюром не получаются, но намек понят, нужно выходить из задумчивости.

– Извини, что ты сказала?

– Сказала, что ты теряешь время на непродуктивную печаль, – Люба кричит, как будто с глухой разговаривает.

– Шшшш, – оглядываюсь на соседний столик, – но там расположилась компания подростков, которым нет дела до двух теток.

– Не мне тебя учить, – продолжает подруга, чуть понизив голос, – замену надо искать срочно.

– Ты знаешь, у меня пока нет сил. Может, отдохнуть немного?

– Отдохнешь на Багамах с новым кавалером!

Последний аргумент бесспорен. И мы переходим к плану наступления на мужчин.

– У меня есть на примете один сотрудник. Зарплата офисная, живет у родственников, женат не был. Слишком желторотый на два года тебя старше.

– Ты что это? – возмущаюсь, – Кого попало мне предлагаешь?

– Есть два плюса: красив и бездетен. И, кажется, не жад-

ный.

– Я бы тоже была не жадная, когда дать нечего. И зачем мне его красота? Это же минус, а не плюс! Мне нужен кто-то поуродлеей, чтобы знал свое место и был счастлив, что я до него снизошла.

– Но я ж тебе не для жизни предлагаю, а так размяться. И не разбрасывайся мужиками, это нецелесообразно. Вот у меня, один по ресторанам водит, а другого я называю «такси». Больше с него ничего не возьмешь, хоть подвозит. С поганой овцы шерсти клочок. И третий есть – красавчик. Женат, но я с ним на вечеринки хожу, и заигрываю с другими. Знаешь, как мужикам интересно отбить бабу у такого блистательного типа?

– Понятно. А мне, зачем красавчик. Для того же?

– Нет, – качает головой Люда, – он вечеринки не потянет. Не тусовщик. Но продефилировать перед Лешей, с молодым красивым, не женатым, ты сможешь. Это здорово повысит самооценку. Тебе нужно перестать чувствовать себя использованным предметом гигиены.

Люба все устроила как нельзя лучше. И уже вечером я сижу в том же кафе в кремовом, слишком тонком для осенней погоды платье, взбивая кончиками багровых ногтей свои блестящие кудри. В другой руке сжимаю тонкую маленькую сигаретку, которую время от времени подношу к краю без-

упречно накрашенных ярких губ. Жду красавчика, простого офисного работника, зарабатывающего меньше моей подружки.

Все это не внушает оптимизма, но все равно волнуюсь, что поделаешь, я женщина, он мужчина. Будет весьма неприятно увидеть в его глазах разочарование. Достаяю из сумочки зеркальце. Все отлично. Я хороша собой, и мы с красавчиком составим прекрасную пару.

В дверях кафе возникает фигура высокого молодого человека в серых брюках классического покроя и модном твидовом пальто. Парень обводит зал заинтересованным взглядом. Ясно, что он ищет кого-то. Других одиноких молодых девушек в кафе не наблюдается, и он широко по-мальчишески улыбаясь, направляется к моему столику.

– Здравствуйте, я от Любы, – красавчик проводит пальцами по своим ухоженным каштановым волосам, – Я Степан.

«Странное имя» – думаю, вскользь отметив качество его стрижки:

– Элла.

– Эллина? Эльжбетта?

– Просто Элла. А у вас редкое русское имя, – спешу перевести разговор на другую тему.

Попала в яблочко. Степан принимается пространно объяснять причину, по которой его так называли. Молча люблюсь его зелеными глазами и совершенно очаровательными манерами. Да уж, бесспорно, это красавчик.

Официант, принеся меню интересуется, принести ли еще карту вин. Говорю, что карту не нужно, буду сухое мартины. «Может, шампанское за встречу?» – предлагает кавалер. Я не против.

Молчим минуту, изучая меню.

– Я буду салат из морепродуктов – объявляет он, откидываясь на спинку стула.

– О, как хорошо! Я тоже люблю морепродукты. Здесь подают потрясающее сырное фондю с морепродуктами.

– Ладно, давай возьмем одно на двоих.

– Давай. Это так романтично!

Мы пьем шампанское и макаем кусочки кальмаров, креветки, мидии и гребешки в густой расплавленный сыр.

Тепло и уютно. Слушаю, как Степан рассказывает о своей маме – удивительной женщине, которая видит всех людей насквозь, она не раз предостерегала сына от опасных связей, и всегда была права.

Представляю его в большом доме, одетого в белый свитер крупной вязки. Сидит в широком кожаном кресле, и в его шелковистых волосах играет отблеск огня, весело полыхающего в камине. Захожу я, в белом банном халате, голова повязана полотенцем, наклоняюсь и по-хозяйски чмокаю его в затылок. Он быстро прячет в карман микроскопическую коробочку. И спрашивает: Ты еще не готова, милая? Может, позвонить в ресторан и продлить бронь? Я не готова, потому что сегодня все валится из рук. Еще утром нашла эту коро-

бочку среди его вещей и открыла. В ней обручальное кольцо. Тонкое, белого золота с двухкаратным бриллиантом. Простое и элегантное. Предел мечтаний.

– А ты интересный собеседник, – слышу сквозь думы.

Кажется, в первый раз за весь вечер разговор заходит обо мне.

– Правда? – поддерживаю благое начинание.

– За последнее время со столькими девушками встретился, и все они меня чем-то раздражали. А с тобой мне комфортно.

– Мне тоже комфортно с тобой, – начинаю я, но он не реагирует на похвалу, как будто иначе и быть не может.

– Все женщины обычно выпендриваются, а ты очень скромная, хотя по виду такая же, как все, – продолжает он.

Моя улыбка слегка теряет лучезарность в ответ на сомнительный комплимент, но Степан не замечает этого.

– Ты не перебиваешь меня, не грузишь лишней болтовней, не рассказываешь о подругах и родственниках, не рекламируешь себя. А, знаешь, в тебе что-то есть!

Молча кошусь на него. А вот в тебе, друг, есть что-то неприятное. Сам только что продемонстрировал в себе все качества, что так не любишь в женщинах. «Что ж, большинство мужчин такие», – успокаиваю себя, и пытаюсь изобразить полное согласие.

– Вечер прошел в приятной атмосфере, – итожит Степан после кофе Глясе, и просит счет.

Получив чек, красавчик выкидывает нечто неожиданное.

– Можно бы заплатить пополам, но так будет не очень справедливо, потому что я выпил только один бокал шампанского из бутылки, фондю тоже съел одну треть, а от мороженого отказался, – рассуждает он, сосредоточенно тыча пальцем по панели дорогущего смартфона, вычисляя на калькуляторе, кто сколько съел.

Опасаясь, что знакомые официанты станут свидетелями этой комической сцены, спешно достаю ярко-розовый кошелечек:

– Степан, не нужно, я сегодня угощаю.

– Что ты! Не стоит! Мне же не жалко, просто все должно быть справедливо.

– Все справедливо. Сегодня я тебя пригласила, а в следующий раз заплатишь ты.

– Нет, я все-таки предпочитаю, чтобы каждый платил за себя – отказывается он, – тогда знаешь, на что рассчитывать.

– Я настаиваю! Обещаю, что в следующий раз буду заказывать скромно.

– Ну, как знаешь, – сдается Степан.

Оплачиваю счет, радуясь, что пригласила его в недорогое кафе, в котором могу себе позволить ужинать, иногда и без мужчины. Вспоминаю, что Степан зарабатывает гроши в своем офисе. Остается удивляться тому, что он умудряется так дорого одеваться и ухаживать за собой. «Умеет экономить» – тут же отвечаю на свой вопрос.

Идем молча, любуясь пожелтевшими кленами и вдыхая свежий сыроватый воздух.

Я думаю о том, что подруга явно дезинформировала, когда уверяла, что коллега не жадный. Где основание для такого вывода?

Как будто подслушав мысли, он принимается оправдываться:

– Я вовсе не жадный. И все об этом знают. Я всегда скидываюсь на все мероприятия, дарю лучшие подарки сотрудникам. Знаю, что подход платить на свидании пополам, не традиционный. Но это вызвано не бережливостью, а принципами.

– Интересно, какие же у тебя принципы? – спрашиваю из чистого любопытства.

– Я не хочу видеть рядом с собой потребителя. Я не дойная корова. Моя девушка, а потом и жена, будет мне подругой. Она должна отказаться от идеи сидеть на шее. Мы будем в равных долях трудиться на благо семьи. Она тоже должна приносить доход, а не весь день ногти красить, – презрительно кривится он на последних словах.

Ага! А сам только что хвалил мой маникюр. Знает ли он, сколько на это времени уходит? Если я перестану за собой следить, он станет восхищаться маникюром любовницы. А я буду годиться только на роль уборщицы и няни его детей. Впрочем, о детях он не вспоминает.

– А когда ребенок родится, ваш брак станет традицион-

НЫМ?

– Перед тем, как родится ребенок, мы уже накопим некий капитал. Конечно, все будет оговорено в контракте. Пройдет пару месяцев после родов, и жена сможет вернуться к работе. Услуги няни будем оплачивать пополам.

– Да. Не традиционный подход, – удивляюсь я. И про себя разочарованно отмечаю: «Чудес на свете не бывает».

Степан принимает отсутствие протеста за одобрение и воодушевляется:

– При такой свободе с обеих сторон, любовь не погрозит в быту, а значит, никогда не угаснет!

Он снова сияет своей очаровательной улыбкой и по-своему обнимает меня за талию.

На следующий день Степан звонит, чтобы узнать, какие у меня планы на воскресенье. Учитывая, что звонит он в среду, а речь идет о воскресенье через полторы недели, ответить затрудняюсь.

– Я специально сообщаю заранее, чтобы ты ничего не планировала, кроме встречи со мной, – уточняет Степан.

– Хорошо, – вяло отвечаю, понимая, что никуда с этим человеком идти не хочется.

– Я организую нечто незабываемое, – обещает он.

– Угу, хорошо.

Не поверила. И зря. Вышло так, что второе свидание со Степаном, запомнилось надолго.

Упомянутое воскресенье на носу, и у меня готов план, как использовать красавчика в корыстных целях, если уж из него не вытряхнуть не копейки. Нужно заманить Степу в спорт-кафе, где каждую субботу заседает Алексей. Перенести свидание на день раньше труда не стоило, но место встречи Степану не понравилось.

Он воспротивился, справедливо полагая, что вечер в сигаретно-пивном чаду, не лучшая идея свидания. Я уверяла, что очень хочу узнать хотя бы результаты некоего судьбоносного матча. Тогда красавчик обещал зайти в спорт-кафе на минутку, но не сидеть там весь вечер. Что ж, достаточно и минутки. Прощаясь, он посоветовал надеть удобную одежду (джинсы или лосины, и обязательно кроссовки). Обещал сюрприз. Очень надеюсь, что это не прыжок с тарзанки. Хотя, предчувствия самые мрачные.

Натягиваю джинсы, стоившие целое состояние даже со скидкой, белоснежные кроссовки, и такую же футболку с низким декольте, микроскопическую джинсовую курточку-болеро, и несусь на свидание. Маникюр, макияж и укладка больше соответствуют вечернему платью, чем спортивному стилю, но так нужно для дела.

Степан назначил свидание на площади под памятником, и я рассчитывала на букет, чтобы показать Алексею, что, лишившись его, все так же получаю цветы. Нашла красавчика

на указанном месте, но он не стоял, дожидаясь любимую, как остальные кавалеры, а носился вокруг постамента, покорив скейт-доску. Мое сердце упало, а лицо расплылось в натянутой улыбке. Изображать радость от общения со Степаном становится все труднее. Больше всего хочется вернуться домой, проваляться возле телевизора весь вечер.

Раскрасневшийся от быстрой езды и удовольствия скейтер лихо подкатывает, едва не сбив меня с ног.

– Любишь кататься?

– Не пробовала, – лихорадочно соображаю, как избежать мучений и не обидеть парня.

Ничего путного на ум не приходит, и через минуту я стою на дрожащей и вибрирующей под ногами доске, крепко удерживаемая моим новым тренером.

Через десять минут спортсменка взмокла и покраснела, как бургундское вино. Но Степан и не думает сжалиться, не отстает, поставив себе, цель научить, во что бы то не стало.

Стараюсь изо всех сил, проклиная все на свете. Только когда перестала различать дорогу, заметила, как стемнело. Ой, я же опоздаю, и предмет мести уйдет!

– Там сейчас матч закончиться, – беспокоюсь я.

– Хорошо, направляемся в спорт-кафе, – соглашается Степан и разворачивает свою жертву в другом направлении.

– Может, пешком?

Но Степа неумолим:

– Пока не увижу, что ты едешь сама, не слезу с тебя. Ты

должна почувствовать кайф в первый раз, а то больше никогда на скейт не встанешь.

Так, на доске, он волочет меня до спорт-кафе, и уже в паре метров от цели, со словами: «Последний шанс попробовать», отпускает руки. Улица оказалась неровной, и я качусь с горки. Так и не поняла, как управлять доской. Вероятно, плохо слушала Степины указания. Доска набирает скорость. Я понятия не имею, как ее остановить, как спрыгнуть, или свернуть в сторону. Лечу, зажмурившись, в никуда, оглохнув от собственного крика. Успеваю сообразить, что столкнулась с каким-то препятствием, слишком мягким для стены. Доска уплывает из-под ног, ударяюсь коленями об асфальт, что-то сыплется сверху. Что-то громадное. Пару секунд и понимаю, что произошло.

Я сижу на тротуаре под большим мусорным контейнером. Голову украшает картонная коробка. Пытаюсь избавиться от сомнительного украшения. С третьей попытки это удастся. Голова цела, но блестящая прическа сильно повреждена. Из короба высыпалась труха, непонятного происхождения, и ровным слоем покрыла мой белый наряд. Хочется зареветь на всю улицу, как в детстве. Это желание усиливается, от звуков хохота, огласивших улицу.

Прямо передо мной стоит покрасневший от смеха Степан, а дальше, в дверях спорт-кафе, буквально покатываются несколько мужчин. Среди них я с болью замечаю фигуру бывшего бой-френда Алексея.

Глава 4. Наконец-то!

Витя – само совершенство! Внешность кажется простоватой. Но его выделяет неотразимое обаяние мужественности. С таким можно появиться где угодно, и зависть подруг обеспечена. На завсегдатая качалки, Витя не похож. Скорей всего тренировался дедовским способом, с помощью гантелей и перекладины на кухне. Но фигура! Когда увидела его в дверях салона в синем, стилизованном под военный, свитере и тесных джинсах, с букетом гербер в руке, подумала, что пропала.

Витю привела моя подруга и коллега Маша. Он друг Машиного мужа. Имеет за плечами множество неудачных романов. Но все они были, по словам Маши, досадными случайностями. Потому что Витя настолько положительный парень, что вменить в вину, ему можно только то, что он плохо разбирается в людях.

Видно, что я ему тоже сразу понравилась. Заметно по глазам и манерам, хотя комплиментами он меня не балует. Вообще это чудо природы говорит мало. Похоже, не умеет «заливать» и «обрабатывать» девушку. «Вот оно, настоящее», – думаю, вцепившись в его руку, и направляясь к стоянке. Вид его Мерседеса лишь подтверждает мои догадки.

Витя прилично зарабатывает, хоть и не слишком шикар-

ным способом. Изготавливает мебель своими руками. Люба, конечно, узнав о таком женихе, зафукает. И даже, возможно, закидает меня гнилыми помидорами, но пускай ищет олигарха сама. Когда у нас с Витей будет дом полная чаша, ребенок или даже два, когда он купит мне такой же дорогой автомобиль, и будет возить каждый год отдыхать за границу, тогда мы посмотрим, кто будет смеяться последним.

Я готова поставить годовой доход на то, что Люба никакого олигарха или просто богатого бизнесмена не найдет. Раз мне не удалось, с идеальной внешностью, то Любке со слишком широкими плечами, лошадиной челюстью и вечным татуажом на лице, подавно олигарха не видать. Так что пускай пудрит мозги кому-то еще, мне достаточно и простого семейного счастья.

Все еще не могу простить подруге знакомства со Степаном, хотя тот вовсе не олигарх.

Витя предложил пойти в хороший итальянский ресторан. Там мы ели пиццу. Я запивала вином, Витя, по-простому, пивом. Он даже трогательно извинился. Мол, прости, я по-простому.

Несколько смущает, что Витя совсем молодой, мой ровесник. Хотелось бы постарше, как Леша. Но они вообще разные люди. Алексей был разговорчивым, остроумным и язвительным. Постоянно подшучивал надо мной, и смеялся, когда я пыталась поговорить серьезно.

Виктор выглядит простым и скромным. За ужин запла-

тил, меню не считал, к официантке не придирался. Идеал! В его обществе я совершенно расслабилась, и даже призналась, я – Лиза.

Так Элла снова стала Лизочкой. Эта новая девушка ежедневно получает виртуальные подарочки, с десятков любовных СМС на день. Текст последней традиционно звучит «Целую мою Лизочку. Спокойной ночи».

В день первого свидания мы долго гуляли по темным улицам, сидели на скамейках, целовались. Потом я сдалась и пригласила Витю домой. Утром ожидал еще один букет цветов, и кофе в постель. На работе мне не довелось гадать, когда же он позвонит. Телефон запищал необычно быстро. Получила сообщение: «Уже скучаю. Витя».

Это был самый теплый октябрь в моей жизни. А наступления зимних холодов я так и не заметила. Много много теплых и солнечных дней, и весной девичьих ушей достигла долгожданная фраза: «Выходи за меня замуж».

Сегодня дорога на работу занимает у меня всего несколько мгновений. Вот я сбегая по ступенькам подъезда моего нового дома, где находится квартира любимого, и моя теперь тоже, и тут же натыкаюсь на крыльцо салона. Где летали мои мысли последние полчаса – это понятно, не понятно, как мне в таком состоянии удалось добраться без травм.

Вхожу в зал и удивляюсь, что все так буднично. Девчонки лениво переругиваются, уборщица Дашка умудряется наде-

лать ведром столько шума, будто оно не пластиковое, а оцинкованное. Они все те же. А я уже не та.

– Элла, Эта идиотка Маша опять брала мой фен и переключила на горячий режим! – брызжет слюной толстая Лидка.

Она интересна тем, что на голове у нее всегда дом, а в голове – бардак. Я уверена, что именно она переключила фен, а потом забыла, и теперь валит все на Машу. Но сегодня я не стану спорить с Лидкой, и вообще не с кем. Это все так мелко и не имеет никакого значения для моей новой счастливой жизни. Но соседка по креслу не унимается:

– Элла, ты чего это улыбаешься? Думаешь, ерунда, не стоит крик поднимать? А вот и нет! Я из-за нее клиентку потеряла.

– Из-за фена?

– Включила, не посмотрев, и клиентка закричала, что ей волосы сожгла. Она носится с каждым волоском, и укладывает только холодным воздухом. Вот так-то! – выдохнула она.

– Да, неприятность, – говорю я, просто, чтобы отделаться.

– Ничего Элла, – зловеще пророчит Лида, – нахлебаешься ты еще со своей подружкой Машей. Вот подставит она тебя...

– Называй меня Лизой, – улыбаясь, прошу я, и, оставив Лидку с открытым от удивления ртом, плыву в подсобку заварить чайку.

Весь день пою и пританцовываю. Занимаясь волосами клиенток, тайком люблюсь милым колечком. Оно не белого золота, как я себе все время представляла, и не с двухкратным бриллиантом. Но все равно, самое прекрасное колечко на свете. А какое нежненькое! Тоненькое золотое, с бриллиантовой крошкой впереди. Оно чудно переливается под электрическими лампами.

Даже обидно, что никто не знает. Но хвастаться не хочется, хочу представить все так, как будто предложение руки и сердца для меня событие ординарное. Как же сказать, чтобы все умерли от зависти? Полдня уже поигрываю своими бриллиантами на пальчике, а все уткнулись в свои головы (точнее в головы клиентов), и заняты рутинной работой.

Наконец, слышу знакомый цокот каблучков, это Машуля мчится на свою вторую смену. Влетает и сразу ко мне:

– Как дела невеста?

Все оборачиваются, и коллеги и клиентки. Вот он, мой звездный час! Только бы не покраснеть. Пытаюсь предать голосу больше безразличия:

– Не плохо. А у тебя, Машка?

– Да что у меня? Колись, как все прошло!

– Что прошло?

– Елизавета Ивановна, вы меня разочаровываете. Почему отчет мероприятиях по предложению руки и сердца, еще не на моем столе?

Парикмахеры и маникюрши бросают работу, вспархивают

с мест и обступают меня плотным кольцом.

– Элка, это правда?

– Элка, где кольцо?

– Эллочка, ты должна рассказать все немедленно!

– Элла, это тот молоденький с шикарнейшей фигурой?

Я притворно вырываюсь из цепких объятий поздравляющих:

– Девочки, да оставьте же меня в покое, вы мне палец оторвете!

Машка кричит:

– Отпустите брачующуюся, вы ее затопчете, бегемоты!

Дабы предотвратить забастовку, обещаю выставиться после работы, и рассказать все подробно.

– Провозгласим тост за потерю еще одного боевого товарища. Не чокаясь! – паясничает Машка.

Наш маленький женский коллектив сгрудился вокруг журнального столика, уставленного праздничными яствами. Яства куплены в магазинчике на углу, куда заходят в основном местные алкаши, потому что там наливают из-под прилавка не известное пойло. Сегодня полно клиентов, и не было времени бежать в супермаркет. Так что я купила все, что, по мнению местной перегидрольной продавщицы, было самым лучшим. На пластиковом блюде разложены бутерброды с красной икрой и семгой из нарезки, еще блюдце салями, салфетка сыра, на пачке старых журналов – фрукты: бананы,

мандарины, дополняют композицию четыре бутылки полусладкого шампанского.

– Давайте лучше первый тост за то, чтобы продукты оказались свежими, и мы не отравились, – отшучиваюсь я.

– Бросай кольцо в бокал – обмоем! – кричит Лида, перекрывая девичий гомон.

Шампанское на исходе, закусываем шоколадным тортом «Восторг» из картонной коробки. Мой фонарь за окном ярко освещает комнату парикмахеров, и электричества не надо. Каждая из нас устало расположилась на собственном рабочем месте. Девочки ждут моего рассказа о том, как все прошло. Я охотно делюсь.

– Я валялась дома на диване, когда позвонили в дверь. Открываю, а на пороге посыльный с шикарным букетом роз и лилий.

– Розы были красные? – перебивает маникюрша Соня, которая страсть, как хочет замуж и смотрит на меня теперь, как будто я выиграла миллион долларов или завоевала олимпийскую медаль.

– Розы бардовые и кремовые, а лилии – розовые. Букет стоит у меня дома.

– Обязательно его сфотографируй!

– Ой, что-то я не подумала, – спохватываюсь, – а ведь, действительно, нужно сфоткать. И засушить пару цветочков для свадебного альбома. И открытку вклеить в альбом потом.

– Какую открытку? – останавливает мои размышления вслух Лида.

– Так вы ж меня перебиваете... В букете была открытка, с приглашением от любимого посетить вечером ресторан «Зефир».

– Ух, ты, Зефир!!! – вздыхает Сонечка.

– А что ты надела? – вклинивается в разговор тощая и черная как мавр «директор» солярия Рита.

– Вечернее платье.

В салоне раздается такой взрыв хохота, что случайный прохожий шарахается от окна.

– Исчерпывающий ответ!

– А мы думали, что утренние трусики!

– Мы думали, что ночной колпак!

– Девчонки, тише, я расскажу! Это было платье от Луи Витон, которое мне сестра привезла, когда они с мужем еще до развода в Испании отдыхали.

– Ты надела свое лучшее платье? – удивляется Маша, – значит, ты догадывалась, что он собирается сделать тебе предложение?

– Я же не дура, – заявляю я, выпрямив спину, – с чего бы он так пафосно обустроил это приглашение. Раньше мы ходили в рестораны, где все дешевле и вкуснее. И цветы он мне лично дарил.

– А он хотел, что это был сюрприз, – пожимает плечом Маша.

– Машка! – я картинно тянусь к ее шее, – ты знала и не сказала мне?! И давно знала?

– Узнала, когда мы тебе кольцо выбирали. Он спрашивал, какое тебе понравится.

– А почему не выбрала то, о котором я мечтала? Я ведь тебе рассказывала.

«Вот ляпнула, теперь назад не воротишь! И кто тебя за язык тянул?» – я мысленно кусаю себе локти, – «Сейчас скажет, что у него на такое денег не хватило, и сяду я в лужу перед всеми девчонками».

– А там не было такого, – говорит Маша, заметив, как изменилось мое лицо.

Я готова расцеловать ей ноги.

Глава 5. Триумфы и сомнения.

Конечно, мама знает о том, что я выхожу замуж. Она первый человек, кому я позвонила из туалета ресторана, где Виктор произнес заветные слова. Но только через неделю удалось заманить его в дом сестры, знакомить с будущей тещей.

Зоя в полном восторге, но мама ведет себя с Виктором на удивление сдержанно. В перерыве между любезностями, она зовет меня на кухню-помочь:

– Не делай этого! – громко шепчет она.

– Ты что, мама? Он что тебе не понравился? – спрашиваю вполголоса.

– Ничего. Понравился! Но только мы обе знаем, что ты собираешься замуж, чтобы отомстить Алексею.

– Ничего подобного! – возмущаюсь я.

– Ты же любишь Алексея. Разрыв произошел недавно, и ты сразу же нашла этого Виктора. Так что можешь не скрывать свои мотивы. Для меня они очевидны.

– Мамочка, вот что я тебе скажу. Алексея я любила так же, как и Виктора люблю.

Оба мужики хорошие, но Алексей чуть обеспеченнее, а Виктор – не бьет. Так что у каждого из них свои плюсы и минусы. Если бы они оба предложили мне замуж, я бы долго

и мучительно думала. Но тут нет никакого выбора. Замуж мне предложил единственный мужчина за все мои годы, а лет мне немало, уже двадцать шесть. Так что благословляешь – спасибо. Не благословляешь – обойдусь. Тут от тебя мало что зависит, даже жить мы будем отдельно, в его квартире. Куда я, кстати, переезжаю немедленно.

Пока мама в шоке, я успеваю перетереть с десятков фужеров. Нам столько не надо, но, что поделаешь – нервы.

Только после рюмки корвалолла, она совершенно приходит в себя:

– Что ж, я благословляю, – говорит мама трагическим тоном, – мне в нем многое нравится, особенно то, что зовет тебя по-человечески, Лизой.

Просыпаюсь под шум дождя. Смотрю на часы – девять. Пора на работу собираться. Хоть и вторая смена, но от моей новой квартиры, где мы теперь обитаем с будущим мужем, дальше до работы. От метро еще придется идти пешком, а под таким дождем совсем не хочется. На машине очень далеко, и пробки. Особенно в такую погоду. Забиваюсь под одеяла, там тепло, там он. Устраиваюсь под мышкой. Ему щекотно. Шевелиться и стонет недовольно. Я снова проваливаюсь в сон. Кто-то тянет меня за ногу. Слышу:

– Вставай, мое солнышко, опоздаешь.

Пахнет кофе. Настоящим вареным. Витя мастер готовить этот напиток. Умеет и по-турецки и по-венски, и еще как-

то там. Я не разбираюсь в этих тонкостях, только знаю, что кофе мой жених варит вкуснейший.

Витя поднимает меня как ребенка, чувствую, как натягивает тапки, продевает руки в халат и ведет в ванную. Теплый душик, и я в норме. Допиваю кофе уже в прихожей, на ходу влезая в туфли.

Обязательный долгий поцелуй у двери и бегу в сторону работы.

Одно хорошо, дождь закончился. Правда, пасмурно и лужи везде. Но, главное, на душе солнечно. В метро покупаю два свежих свадебных журнала.

В салон вхожу почти вовремя. Маша развлекает ожидающую меня клиентку.

– А вот и наша невеста, – говорит она весело, и за спиной у клиентки делает большие глаза, и символически стреляется пальцем.

В ответ я благодарно улыбаюсь ей, и говорю, подражая ее тону:

– А вот и наша свидетельница, или как там по-модному, – подружка невесты.

Маша прыгает на месте и бежит ко мне обниматься:

– Ух, ты, спасибочко! А я думала, ты Любку пригласишь. Она же твоя лучшая подружка.

– Вовсе нет, – пожимаю плечами, – кстати, Люба даже не знает, что я замуж выхожу.

– Да ты что! – округляет глаза Маша, – за что она так на-

казана?

– Было дело в сорок первом, – загадочно отвечаю я.

Стрижка сегодня выходит – отпад – по вдохновению. Иду на воздух подымить, и набираю телефон Любы. Хоть она и подсунула в прошлый раз мне Степана, и надавала неудачных советов, но не виновата же она, что такая недалекая, бедняжка. И все-таки мне интересна ее реакция.

– Кого я слышу! Элла Ивановна, собственной персоной! И без секретаря. Не могу поверить своим ушам! Чем обязана такой чести? – язвит Люба.

– Любка, я извиняюсь, что пропала. У каждой женщины бывают моменты, когда подруги отходят на второй план.

– Что опять мужик? – в ее тоне слышно презрение.

– Это не опять мужик, Люба, обижаюсь я, – я замуж выхожу.

– Ага, опять замуж выходишь, – насмехается подруга, помнится мне, недавно ты уже была замужем. Это не Леша?

– Нет не Леша! – злюсь я, – и замужем я еще не была. Мне в первый раз предложили руку и сердце.

– Подумаешь! – не сдастся Люба, – мне много раз предлагали руку и сердце, – только, как видишь, воз и ныне там. Заявление хоть подали?

– Ну, ... собираемся скоро.

– Ааааа! Понятно все с тобой подруга! Еще все в далеком проекте, а ты, небось, уже и платье выбрала?

Я кошусь на свадебный журнал, который взяла с собой по-

листья на улицу, и отвечаю:

– Ничего подобного! И вообще, предложение было официальным, он даже кольцо мне подарил!

– Послушай, девочка моя, у меня таких два кольца. И все было официально. Я жила с этими уродами обстирывала, обхаживала, а потом все кончилось пшиком. О свадьбе никто и не вспомнил.

Я с трудом представляю себе, как Люба может обстирывать, обхаживать, с ее-то когтищами, но настроение портится окончательно. Опережая мои догадки, Люба добавляет:

– Ты не воображай, что они меня бросили из-за моей бесхозяйственности, что передумали жениться. Один раз в квартиру к моему жениху заявила его мамаша. Причем он дома был. Так она меня выставила, шалавой обозвала, ему по морде надавала. Оказывается, его настоящей невестой была не я, и свадьба готовилась не для меня.

А мне, дура, тогда и в голову не пришло спросить, чего это он меня со своими родителями не знакомит? Кстати, готова поспорить, что и тебя не познакомили еще.

Не выдерживая нахлынувших чувств, я отключаю трубку, падаю на скамейку и заливаюсь слезами.

В таком плачевном виде меня находит Маша, вышедшая покурить на крыльцо.

– Вы поругались? – пугается она.

Я могу лишь всхлипывать и отрицательно мотать головой.

– Он попал в аварию, или что-то со здоровьем?

Мотаю головой.

– Что-то с мамой, Зоей или малым?

– Нет!

– Ну, значит, ерунда, – успокаивается Маша, и садится рядом на скамейку, – вот сейчас клиентка придет, а ты страшная как смерть. Вот это уже не ерунда.

Пытаюсь взять себя в руки. Не выходит.

– Что, все-таки, случилось, Лизка? – Маша обнимает меня за плечи, – ну поплачь.

Она гладит мою голову, но допроса не прекращает:

– Кому звонила?

Я молча глотаю слезы.

– Маме звонила?

– Нет.

– Любимому?

– Нет.

– Венерологу?

На миг прекращаю плакать, и смотрю на подругу с недоумением.

– Да ладно, улыбается она, – это шутка! Хотела тебя встряхнуть.

Издаю звук отдаленно похожий на хихиканье.

– Ну, вот видишь! – главное, что никто не умер. Остальное перемелется.

Решительно встаю и тяну Машку за руку.

– Куда? – спрашивает она.

– Идем в парк.

– Так к тебе клиентка придет!

– Пускай приходит! Все равно я не в том виде, чтобы работать. Придумаем что-нибудь.

– Как скажешь, – быстро сдается Маша, подстегиваемая любопытством.

Парк весь в цвету. Как я раньше не догадалась приходить сюда? И в двух шагах от работы. Можно не бегать в обед в традиционную кафешку, где царит полумрак и остро пахнет чуть подгоревшей пиццей. В парке свежо и звонко. Воздух наполнен прелыми запахами листвы и сладкими – черемухи, он весь звенит от детского гомона и карканья ворон. Нарочито уединенные скамейки под деревьями и в беседках из дерева с облезшей краской, манят покоем. Людей немного. Только мамочки с колясками и ребятишками постарше, но все они сконцентрированы в районе детских площадок. Мы устраиваемся на самой заброшенной скамейке, пострадавшей от хулиганов и потерявшей одну перекладину. Я смахиваю на землю пару пивных бутылок и рассказываю.

– Это меня Любка вывела из себя.

Маша слегка разочарована.

– И всего делов-то? Она звонила и испортила тебе настроение?

– Это я ей звонила.

– Зря, – поджимает губы Маша.

– Ты что ревнуешь? – удивляюсь, – ты же подружка неве-

сты.

– Знаешь, – советует Маша, – ты бы с ней перестала общаться, для твоего же блага.

– Почему, вдруг?

– Она такая стерва! Может, у нее из-за этого все легче с мужиками, но я уверена, что она и сама счастья не найдет, и тебя загубит. Это она хочет себе подружку найти, чтобы олигархов искать. Но при первом удобном случае она тебя акулам кинет или продаст с потрохами.

– Вряд ли стерва стала бы искать себе компаньонку, красивее, чем она, – возражаю я.

– Любка не в общаге студентов снимать надумала, а олигархов. Некрасивая подруга тут минус, а не плюс. И вряд ли для нее так уж очевидно, что ты красивее.

– Как же это может быть не очевидно? – удивляюсь я.

– Как-то она мне призналась, что все прошлые подружки испарялись, потому что ее шикарный вид делал их незаметными серыми мышами. А ты, молодец, что ты не боишься потеряться на ее фоне. За это она тебя уважает.

– Что??????

Маша залиvisto смеется. Оставляет меня на скамейке и бежит за лимонадом. Ветер гонит салатный листик с каплей внутри, которая искрится под яркими лучами весеннего солнышка. Протягиваю руку под лучи, бриллианты вспыхивают. Совсем новенькое колечко соревнуется в яркости с великим светилом. Даже жарко, хоть и плащ не взяла, ушла

с работы в синем форменном халате поверх тонкого трикотажного платья.

Маша несет две открытых бутылки, из них торчат трубочки.

– В кафе купила, до ларька далековато.

– Маш, я тебе деньги в салоне отдам. Выбежала в чем была.

– Перестань, Элка, я угощаю. Ты лучше расскажи, чем тебя эта выдра умудрилась так расстроить?

– Маш, только между нами...

– О чем речь?!

– Мы же заявление еще не подали.

– Так подадите.

– Он меня со своей семьей не познакомил, а я уже переехала к нему жить. А вдруг его мама заявится и спросит, это что тут чужая девка делает?

– Не спросит.

– А ты откуда знаешь?

– Я его семью хорошо знаю. И понимаю, почему он это знакомство откладывает.

– Что-то не так? Почему ты только сейчас об этом говоришь?

– Вот только не надо наезжать раньше времени! – сердиться она, – во-первых, это он должен был тебе сказать, во-вторых, Витя сам по себе парень хороший. Все что есть, то он сам заработал. Поэтому его мамаша в его квартире права ка-

чать не станет.

– Расскажи, что у него там, в семье, – тороплю я.

– Не знаю, имею ли я право?

– Ну, Машенька, я никому не расскажу. Честное слово! Ты мне веришь? Мне же нужно знать заранее, чтобы свою реакцию подготовить, когда он разоткровенничается, наконец.

– Тут ты права. Расскажу.

Его мать в четвертый раз замужем. Первые два ребенка родила от одного мужчины. Витя от другого. А живет она с четвертым. Старший сын сидит в тюрьме за убийство, хотя она всем заливаает, что сидит без вины. Средний сын был наркоманом и умер в больнице. Мама Витина тогда кричала про убийц докторов, которые, дабы замести следы, обвинили сыночка золотого мальчика в употреблении. Даже я поверила, но Витек подтвердил диагноз врачей. Кололся его братик по-черному.

Еще она очень гордиться сыновьями, и говорит, что посвятила детям всю свою жизнь, а во всех бедах виноваты злые люди. Такая вот свекровушка тебе достанется. Но это ничего, тебе ж не с ней жить. А Витя у тебя мальчик самостоятельный, всего добился не благодаря, а вопреки. Так что держись за него.

– Ну что ж, – отвечаю после минутного раздумья, – жизнь у него невеселая. И, наверное, он очень стесняется своей семьи, бедняжка. А мать, может, и правда, не виновата. Защищать своих сыновей – так естественно.

Глава 6. Зоенька.

Обожаю мою сестру Зою, и ее кухню. Причем, где бы Зоя не жила, ее кухня путешествует за ней. Потому что, дело тут не в метраже, ремонте или оборудовании, а в особой атмосфере, которую создает сестра. Когда-то и наша кухня была самым уютным местом, пока старшая замуж не вышла. Зоя ушла, а кухня осиротела. Холодная, скучная и не приветливая, она, видимо, отображает внутренний мир новой хозяйки. То есть меня.

После дня, полного волнений, не было лучше идеи, чем придти к Зое «посплетничать». Так она называет наши откровенные разговоры. Ступив на порог, понимаю, что идея была не просто хорошей, а блестящей. Пахнет пирогом с капустой. О, божественный аромат! Усевшись на табурет с чашкой чая из липы и листьев малины (прямо с огорода), я забыла все свои горести. Мысль о том, что Витя может обманывать меня и не собирается жениться, уже кажется бредовой.

Зоя сияет, как медный самовар, что дымится сейчас на столе. Видно, ей не терпится что-то сказать, но сперва она ждет новостей от меня. Деликатничает.

«Зоенька у нас клад», – говорила мама. А папа поспешно добавлял: «И Лизонька тоже». Но я всегда понимала, что это

«тоже», как пять с минусом и с натяжкой, по сравнению с пятеркой с плюсом, которые всегда зарабатывала Зоя.

С детства сестре хорошо давалась математика, но она выбрала совсем другой путь. Родители не думали, что невинное увлечение девушки хоровым кружком выльется в смысл жизни. Зоя поступила в консерваторию, и никто не обсуждал это решение, потому что знали, ей можно доверять во всем. И действительно, сестра отлично училась, и после выпуска, ее пригласили преподавать на кафедре.

– Давай ты первая говори, – не выдерживаю я.

– Бог услышал наши молитвы! – заявляет она.

Опять двадцать пять! Не собирается же она мне проповедь читать?

Моя сестра всем хороша, но есть один недостаток – верующая. Из церкви не выпазит, то есть ходит каждое воскресенье и тащит с собой ребенка. А сейчас и того чаще ходить туда стала, Виталика, племянника моего, маме оставляет, и идет на спевки хора. Называет это подработкой. Она регент у них – главный по хору, значит. А какая же это подработка, если платят гроши? Мама оправдывает ее, конечно. Говорит, хорошо хоть по мужикам не бегает. А я вот думаю, не хорошо. Плохо даже. Год уже прошел с тех пор, как ее этот, не к ночи будет сказано кто, бросил. А для нее мужики, будто не существуют. Не нормально это, красивая она, молодая. Даже, наверное, красивее, чем я. Но на вскидку так не скажешь. Одевается блекленько, в свои любимые темные

платья. Я называю их «обнять и плакать», а она говорит – это мой стиль. Красится редко, совсем немного, даже не видно разницы. Никаких штучек, которые нравятся мужчинам вроде яркого цвета волос, объемных губ, длиннющих ресниц, мини, декольте и яркого маникюра, не признает в принципе. Не дать, не взять – синий чулок. Только мама считает Зою образцом вкуса и намекает мне, что следует брать с нее пример. Но с мамой все понятно, она когда-то тоже модницей была, после второй мировой. И всех той меркой мерит.

– Ты о чем? – спрашиваю.

– Гена приходил.

– К Виталику?

– И к Виталику и ко мне! Он от женщины той ушел.

– Они поссорились?

– Поссорились полгода назад, – улыбается она.

– Ах, вот в чем дело! Действительно есть чему радоваться! Так ему и надо, кобелю. Квартиру он ей купил! Закономерно, что она его выгнала. Пусть теперь бомжует!

– Что ты такое говоришь, – расстроилась Зоя, – я сколько раз просила тебя, не говорить так о моем муже!

– Он тебе давно не муж.

– Я так не считаю.

Круто развернувшись, Зоя уходит в комнату.

Я хлебнула глоток остывшего чая, поковырялась вилкой в кусочке пирога, и, почувствовав себя сволочью, пошла за сестрой, мириться.

В комнате мама смотрит телевизор. Ее чай и пирог стоят на прикроватной тумбочке. Сестричка пристроилась в кресле с вязанием.

– Ты это, Зойка, прости...

– Забыли. Лиз! Хочешь возле камина погреться, или в кухню пойдём?

– В кухню.

Зоя моет посуду и рассказывает.

– В общем, он хорохорился, оказывается, полгода, стеснялся проситься назад, а теперь вот решился.

– И что ты ему сказала?

– Сказала, что все это время он оставался моим мужем.

– Вот ты блаженная!!!

– Спасибо за комплимент, но я его не заслуживаю.

– Это не комплимент. Я имею в виду, что ты сумасшедшая.

– Имей, сколько хочешь, в виду, но я его простила.

– Это, за какие такие заслуги?

– Потому что он у меня попросил прощения.

– Да. Все понятно.

Так ждала от сестры понимания сегодня, а она огорошила. Иногда, честное слово, я не понимаю, за что ее все умной считают.

– Лизонька, – продолжает Зоя, – все так удачно складывается. Ты выходишь замуж, и мама может спокойно вернуться домой. Она уже тебе не помешает. Ты же говорила, что

будешь жить у Вити.

- Конечно, нет проблем, – рассеянно отвечаю я.
- Хочешь, разогрею твой пирог, он остыл уже?
- Спасибо Зоя, что-то мне достаточно.
- Ну, тогда я тебе с собой заверну. Тебе и Витеньке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.